

Рейнир.
Парадокс лжеца

Мардаровский Д.

18+

Дмитрий Мардаровский
Рейнир. Парадокс лжеца

«Автор»

2026

Мардаровский Д.

Рейнир. Парадокс лжеца / Д. Мардаровский — «Автор», 2026

Рейнир умеет делать три вещи: воровать, лгать и уходить от погони. Этого было достаточно в провинции, и должно было хватить в столице. Не хватило. Он оказывается втянут в игру, где ставки древнее, чем государства, а игроки старше, чем его мир. На шею ему наденут ошейник из его собственной кожи, и ему придётся понять, кто он на самом деле.

© Мардаровский Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	8
Глава 3.	11
Глава 4.	15
Глава 5.	17
Глава 6.	22
Глава 7.	26
Глава 8.	30
Глава 9.	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Дмитрий Мардаровский

Рейнир. Парадокс лжеца

Глава 1.

– Рейнир по прозвищу Хвост, немедленно открой дверь, а не то мы ее выломаем! – глухо загремел голос стражника, после чего послышался сильный удар. Дверные петли жалобно застонали, толстые доски дверного полотна угрожающе затрещали и испустили в мою сторону облачко пыли. Люди на той стороне дверного проема были настроены серьезно. Они явно не трагичили время попусту и притащили таран.

– Пошадите! – закричал я, судорожно пытаюсь придумать хоть что-то. – Я сейчас открою, не ломайте дверь.

Я постарался придать голосу истерические нотки, и это удалось мне как-то слишком легко.

– Считаю до десяти, Хвост, а потом мы ломаем эту чертову дверь! Раз...

Стражник начал отсчет. Его честность очень уж похожа на глупость. Это его погубит. Зачем давать мне время? Хоть убейте, не понимаю. Я бы не давал.

Зато теперь была возможность что-нибудь придумать. Я бросился к окну, распахнул ставни и посмотрел вниз. Спуститься возможности не было – под окнами дежурили пятеро вооруженных до зубов стражников. Из окна напротив в меня целились из арбалета.

«Назад!» – раздалось в голове.

Тело успело среагировать быстрее мозга. Только я успел захлопнуть ставни, и в них с мерзким хрустом вонзился арбалетный болт.

А это уже была глупость с моей стороны. Нельзя так подставляться.

Итак, в окно выбраться не получалось, пришлось идти на хитрость. Опасность состояла в том, что стражники могли догадаться, на какой трюк я мог пойти в случае опасности, если меня зажмут в угол.

– Пять! – прокричал из-за двери стражник.

Я схватил свой незаменимый заплечный мешок, покопался мгновение.

– Семь!

Вот она, нужная склянка. Я закрыл лицо тканевой маской.

– Девять! – прогремел неумолимый голос.

Времени хватит. Я нацепил защитные очки – мое собственное изобретение, между прочим.

– Десять!

Доски затрещали, во все стороны полетели щепки. От последнего удара дверь не выдержала и с грохотом ввалилась в комнату. Вслед за ней как горошины-переростки внутрь вкатились четверо стражников с обнаженными мечами.

– Гражданин Рейнир по прозвищу Хвост, именем закона ты арестован! Ты обвиняешься в многочисленных преступлениях, связанных с покушением на чужую собственность. В частности... – грозно проревел самый толстый из четверки, судя по форме младший офицер. Но увидев мой наряд, вытаращил глаза и попятился. На мое счастье, он только сейчас вспомнил, что мог означать этот наряд.

– Назад! – заорал было он и замахал руками так, будто решил улететь.

Не-е-е, с таким пузом далеко ты не улетишь...

Брошенная под ноги стражникам склянка с трагическим звоном разбилась, содержащийся в ней порошок мгновенно испарился, и brave служители закона рухнули без чувств.

Я уже держал наготове следующую склянку. Перекинув мешок через плечо, я рванул через дверной проем, откупорил и не глядя метнул вторую склянку на ступеньки. Раздался звон, а потом глухой стук и лязг – еще несколько стражников стали жертвой моего сногшибательного порошка. Я пошарил в мешке, достал еще пару склянок и сунул их в карман. Порошок нужно было беречь. Склянок оставалось штук семь.

На улице меня ожидала засада, поэтому я побежал не вниз, а вверх по лестнице и распахнул дверь на чердак. Там я ненадолго остановился, чтобы отдышаться. Проклятая маска задерживала не только дым и испарения, даже воздух через нее проходил с трудом. Я оттянул ее пальцем и сделал несколько глубоких вдохов. Очки тоже отнюдь не помогали видеть лучше. Но снимать все это пока было рано.

Я как можно тише закрыл дверь на чердак и запер ее изнутри (о замке я позаботился заранее), затем прокрался к слуховому окну, ведущему на крышу. Очень медленно я выплянул наружу и осмотрелся. Так и есть – стражники были настолько глупы, что не озаботились охраной крыши. Ну что же, их тупость была мне только на руку. Я вернулся к двери на лестницу и оставил рядом мой фирменный сувенир – самодельный лисий хвост, украшенный небольшим красным бантом.

Я еще раз проверил выход на крышу. Чисто. Я крадучись выбрался на рыжую черепицу, буквально прилип к ней и пополз к соседнему зданию. Слава Всеотцу, у нас в Таире здания стоят вплотную друг к другу – я без труда перебрался на следующую крышу.

– Вот он! Наверху! – раздался крик.

Заметили! Зря я недооценивал стражников.

«Вправо!» – уже второй раз раздалось у меня в голове.

И вновь тело среагировало быстрее. Я откатился в сторону. Раздалось знакомое противное жужжание, и черепица рядом с моей ногой разлетелась на осколки. Из крыши рядом со мной торчал арбалетный болт. Второй болт, чуть не оцарапав бок, тоже воткнулся в крышу. Мы так не договаривались! В мои планы на сегодня смерть не входила. Если бы я не перекатился вправо, болт торчал бы из моего живота.

Пу-пу-пу...

Я покатился вниз, цепляясь одеждой за все неровности и гвозди, схватился рукой за водосток, ногами оттолкнулся от стены дома, полетел вниз и ухватился за одну из веревок, натянутых через улицу для сушки белья. Чьи-то мокрые подштанники облепили мне лицо, закрыв обзор. Я глухо и влажно выругался, раскачался и ногами вперед влетел в распахнутое окно. Раздался женский крик. Я вскочил на ноги. Видок у меня был что надо: рваная одежда, на лице мокрые подштанники. Я бы и сам заорал, если бы такое чудо влетело в мое окно.

«Пардон, мадам!» – я взмахнул подштанниками на манер шляпы и галантно поклонился.

Вместо ответа в меня полетела сковорода.

«Мадемуазель?»

Теперь в меня летела кастрюля.

Ох уж мне эти мещане! Никаких манер!

Я увернулся от кастрюли, которая вылетела в окно и со звоном упала на каменную мостовую. Тем временем в дверь уже дубасили кулаками стражники.

– Именем закона! Откройте дверь!

Женщина пискнула и грохнулась в обморок. Я подскочил к окну. Внизу никого не было. Я схватил нож со стола, на котором хозяйка дома что-то готовила, ухватился за бельевую веревку, привязанную к раме, и вынырнул в окно. Как только дверь была выбита, я откупорил и швырнул в помещение очередную склянку со сногшибательным порошком. Раздался звон, а потом характерный звук падающих тел.

Нет, ну честное слово, они необучаемые! В который раз они уже купились на этот трюк?

Я разрезал веревку, летя вниз, больно ударился об стену дома, грохнулся на мостовую, сделал кувырок, вскочил на ноги, сорвал с лица маску и очки, запихал их в мешок и бросился бежать.

Я долго петлял как заяц, путая следы. Через несколько кварталов в районе Рыночной улицы я понял, что мне удалось оторваться от преследователей. Тогда я сбавил темп и постарался слиться с толпой.

Удалось! Я снова ушел от наказания.

Настроение было боевое, но кое-что меня все же смущало.

Что это за, мать его, голос в моей голове? Откуда он взялся? Раньше его не было!

Я точно решил бы, что спятил, но этот внутренний голос несколько раз спас меня от смерти (ну, или ранения). Я изо всех сил постарался убедить себя, что это, вероятно, было что-то вызванное стрессом от погони, и успокоился. Тем более, что были вопросы и поважнее.

В Таире есть множество мест, где можно укрыться от стражников. Взять хотя бы район Кожевенной улицы. Туда стражники не суются – там стоит такая вонь от дубильных ям, что нормальный человек в таком месте по своей воле не то что жить, полдня пробыть не захочет. Можно было затаиться в моей квартирке в Блошином углу. Там была куча кабаков и домов терпимости. Деньги у меня водились с избытком, а если даже я бы все промотаю, то всегда можно было облапошить парочку доверчивых дурачков в карты или кости.

Но душа требовала чего-то большего. В Таире было хорошо, но после того, как я ограбил Хомалона – главу городской гильдии купцов, а по факту негласного главу города – нужно было хотя бы на время уехать из города. Я достиг потолка своей карьеры в этом городе. Благодарные горожане развесили по всему городу мои портреты – хоть и посредственные, но вполне точные. Что ж, придется поработать над внешностью и поискать другое местечко, где я смогу применить свои недюжинные таланты.

Глава 2.

Я бродил по улицам еще какое-то время, чтобы убедиться, что за мной никто не следует, затем присел в подворотне на какой-то ящик и начал копать в своем мешке. Через некоторое время на свет божий был извлечен пузырек с красителем. Я натер им волосы, отчего они из огненно-рыжих стали темно-каштановыми. Из специальной коробочки я вытащил карманное зеркальце и накладные усы, которые аккуратно приклеил на верхнюю губу. Усы были длинные и обвислые, что сразу придало мне залихватский и несколько придурковатый вид. Из той же коробочки я вытащил две кожаные подушечки, которые вставил за щеки, отчего овал лица изменился до неузнаваемости. Я придирчиво осмотрел свое новое лицо. С пухлыми щеками и обвислыми усами я походил на спившегося крестьянина, который приехал в город на заработки, но потом просадил все заработанные деньги. Меня такой образ вполне устраивал.

Я снял изорванную во время погони куртку и сложил в мешок – авось еще пригодится. Осмотрел штаны и не обнаружил серьезных повреждений. Так, пара дырок.

Тут живот мой издал громкий звук, намекая, что неплохо было бы подкрепиться после всей этой беготни. Я последовал его совету.

В ближайшем трактире я заказал себе целую гору всякой снеди и кувшин хлебного пива. Пиво было теплое и перекишее, но хотя бы процеженное, что в районе рынка было редкостью. Насытившись как следует, я вылил остатки пива в оловянную кружку и крепко задумался. Куда же мне отправиться? Моя родная Таира мне нравилась – город был замечательный. В отличие от Бакалы (столицы нашего княжества Урбарра) народ здесь был провинциальный и доверчивый, но с амбициями. Точь-в-точь как фермерская дочь на танцах. До границы Анатеи (центрального княжества Анатейского Союза) было рукой подать, в связи с чем многие здешние купцы и дворяне считали себя чуть ли не элитой. Помимо всего прочего денег у них водилось как у дурачка фантиков, потому что через Таиру проходили все важнейшие торговые пути из Асагены (столицы Анатеи) в соседний Палпим.

Ехать в Бакалу мне не хотелось – тамошнее население было скорее похоже на палпимийцев, а экзотика восходных стран была мне не по душе.

Улобор, Спин Тарус и Изелу я тоже отмел без всяких сомнений – денег там было мало. Особенно в Спин Тарусе: местные – сплошь нищие кметы, ловить там точно нечего. В общем, хладная и осиянная сторона мне тоже не подходили.

Оставались княжества Гиканий и Анатея на закатной стороне. После некоторых раздумий я отказался и от приморского Гикания, потому что с детства эта местность ассоциировалась у меня с рыбой и морепродуктами, а я их на дух не переносил. Итак, оставалась Анатея. И уж если я решил на такой шаг, то почему бы не взяться за столицу всего Союза – за Асагену?

Я задумчиво почесал нос, страшно зудевший от накладных усов. Причем умудрился сделать это так, чтобы усы не сползли на подбородок.

– Рисковый ты парень, Рейнир Хвост, – мысленно сказал я себе. – Но пора двигаться дальше. Ты засиделся в своей Таире. Тебе здесь уже тесно.

– Да, дружище Рейнир Хвост, ты прав, – так же мысленно ответил я себе.

Расплатившись за еду, я отправился на конспиративную квартиру, которую снимал у одной полуслепой и ужасно жадной старухи в трущобном районе города – Блошином углу. Ни один уважающий себя стражник без особого указания не смел ходить по этому району. Остальные жители Угла соблюдали неписанный закон, согласно которому грабить и убивать своих без разрешения здешних старейшин строжайше запрещалось. Поэтому для местных передвигаться по Углу было относительно безопасно, а вот для незваных гостей Блошиный угол становился настоящим адом и вряд ли кто-то продержался бы здесь обутым, одетым и с полным комплек-

том зубов хотя бы полчаса. Если бы я решил залечь на дно, как уже говорилось ранее, это было бы самое спокойное местечко. Но я сошел бы здесь с ума от скуки в первую же осьмицу.

С этими мыслями я рассеянно прошел по узким улочкам в сторону квартиры, отпер ключом входную дверь и стал подниматься на третий этаж. Внезапно краем глаза я уловил едва заметное движение.

«Береги голову!» – уже в третий раз за этот день внутренний голос предупредил меня об опасности.

Я еле успел увернуться от дубинки, просвистевшей возле моего виска. Резко сгруппировавшись, я скатился вниз на пару ступеней, схватил за ноги нападавшего и сильно дернул на себя. Раздался грохот, затем скулеж.

Я облегченно выдохнул. Это была всего лишь Власка. Та самая старая скупердяйка, у которой я снимал квартиру. Говорят, раньше ее звали Златовласка, но ее золотые локоны с тех пор поседели и поредели, а имя сократилось до Власки.

– Бабка, ты чего? Ополоумела? – заорал я от злости на нее и отчасти на себя из-за своей рассеянности. – Это же я, Хвост!

Власка охая поднялась на ноги и сощурила белесые поросычьи глазки.

– Не больно-то похож... Не больно-то похож! Наш-то рыжий, да без усов. Да-да, рыжий и безусый. А ты толстомордый какой-то. А ну проваливай, самозванец, пока башку не проломила! Да-да, проваливай! – она воинственно замахнулась на меня дубинкой.

Тут я сообразил, что забыл снять дурацкие усы и вытащить подушечки из-за щек.

И как я только умудрился в целостности и сохранности пройти почти весь Блошинный угол в таком виде? Верно говорят – дуракам везет.

Я быстро избавился от маскировки. Власка снова сощурила глаза.

– А таперича вроде и похож. Похож-похож вроде как. Так-то оно так. Да только, один черт, не рыжий ты! И вовсе не рыжий.

– Тетя Власка, да я это. Точно тебе говорю! Просто замаскировался – надо было лицо спрятать от плохих людей.

– А будто уж ты-то больно хороший! Да-да, не больно-то и ты хороший, – Власка плюнула мне под ноги и, потирая ушибы, заковыляла прочь.

– Спасибо, что следишь за домом! – крикнул я ей вслед, но услышал в ответ только проклятие.

Да, вот такая она у меня – иллюзий относительно человеческих добродетелей не питает. Этим мы с ней похожи. За это и люблю ее.

Уже без приключений я добрался до третьего этажа и отпер дверь в свои комнаты. Да, я снимал в доме аж три смежные комнаты. Мог себе позволить! Это была моя блажь, но только отчасти. Во многом это была мера предосторожности на случай, если городская стража все же догадается навестить меня здесь.

Немного отдохнув, я начал сборы. В первую очередь провел ревизию результатов моих химических и физических опытов. В банках и бутылках хранилась моя гордость – порошки и жидкости практически на все случаи жизни: взрывные, прожигающие, дымные, веселящие, сногшибательные (по моей остроумной классификации), слепящие, вызывающие рвоту, понос и многое-многое другое.

«Твою бы энергию да в мирное русло», – как говорил мне один знакомый.

Ага, в мирное русло. Сейчас! Размечтались!

Надев защитное облачение (не хотелось испытать действие препаратов на себе), я аккуратно рассортировал все по миниатюрным склянкам разной формы, чтобы различать содержимое. Тщательно все закупорил, проверил на герметичность и распахал по кармашкам своего специального жилета, который сам спроектировал. Я точно знал, где хранится нужный порошок или жидкость, а на то, чтобы достать нужную склянку уходило одно лишь мгновение.

Кроме того, жилет легко можно было спрятать под одеждой так, чтобы снаружи его различить было очень непросто, если не знать, какая у меня на самом деле комплекция. Памятуя о недавнем случае с городской стражей, когда мне пришлось тратить время на то, чтобы искать нужную склянку в мешке, я твердо решил больше без жилета не ходить.

Теперь оставалось собрать дорожную сумку. Она тоже была непростой, со множеством потайных карманов, двойным дном. Даже у меня иногда создавалось впечатление, что внутри она больше, чем снаружи. Я аккуратно распределил золото, серебро и драгоценные камни, чтобы они не звенели и их нельзя было найти, даже обыскивая сумку. Туда же перекочевала моя коробочка с гримом. По потайным карманам внутри снаружи я распихал разные ножи, пилки, удавки, отмычки и прочие вещи, необходимые любому нормальному человеку в повседневной жизни. Немного денег я положил в обычный кошелек.

Старательно, хоть и не без сожаления, я избавился от всего оборудования, сжег большую часть записей и других бумаг. Отправил в камин и одежду. Оставив хозяйке плату за несколько месяцев вперед, я покинул квартиру.

Глава 3.

До Асагены путь был неблизкий, поэтому я, вновь обретя образ усатого крестьянина, купил себе лошадь и припасов в дорогу. В Таире меня ничто не удерживало: родители мои давно умерли, я был холост и без детей.

Насколько мне известно.

Один как перст, как говорится. Да это и к лучшему – любые связи я считал обузой. Зачем обременять себя дружбой и уж тем более любовью? У меня была только одна страсть – авантюра. С этой «дамочкой» у нас были давние и крайне серьезные отношения. Опасность и риск были моими лучшими друзьями. Только в их компании я чувствовал себя живым. Каждое новое дело пьянило лучше крепкой выпивки и будоражило кровь сильнее любой самой романтической влюбленности.

Взять хотя бы последнее мое дело – ограбление дома Хомалона – главы городской гильдии купцов. Это было чистое безумие. Но только на первый взгляд. В реальности же я вынашивал план в течение пяти осьмиц, то есть аж сорок дней. Я даже устроился на работу в лавке напротив дома Хомалона, чтобы можно было беспрепятственно наблюдать за его передвижениями и охраной. Чтобы меня не узнали, я сменил внешность, выкрасил волосы в черный цвет, похудел, отрастил неряшливую щетину, которую тоже приходилось подкрашивать, чтобы не выглядела ржавчиной. Я знал, что прислуга Хомалона закупала продукты в этой лавке, и мне даже удалось несколько раз проникнуть в дом под предлогом доставки товаров. Я разговорил прислугу и подружился с несколькими мальчишками, выполняющими самую грязную работу. От них и от кухарки, с которой отчаянно я флиртовал, удалось заполучить множество ценных сведений о доме и его хозяевах.

Работник из меня был никудышный, поэтому меня уволили из лавки через три осьмицы. Удивительно, что они так долго меня терпели! Я бы такого криворукого скудоумного балбеса выгнал гораздо быстрее. После позорного изгнания я еще восемь дней шатался рядом и жалостливо упрасивал, чтобы меня взяли обратно.

Из меня вышел бы прекрасный актер!

Все это время я зорко следил за домом и узнал о нем практически все – расположение комнат, сильные и слабые места охраны, как проникнуть в дом, как незаметно покинуть его.

Каждую ночь под покровом темноты я тайком пробирался к дому Хомалона и осматривал ограду, подбирал отмычки к замкам. Один раз даже для пробы влез в дом и немного прогулялся по первому этажу.

Итак, после сорока дней тщательной подготовки я с приятным легким трепетом подошел к ограде, пробрался во двор и без труда проскользнул мимо охраны, у которой как в это время была пересменка. Я прокрался ко входу для прислуги, вскрыл дверной замок и оказался внутри. Дом я знал уже весьма неплохо, поэтому без труда добрался до нужной мне комнаты, отпер замок и проник в сокровищницу. Я не смог бы обчистить ее полностью – одному столько было не унести, но забрать удалось довольно много, и я от души покуражился, соорудив из хранившихся в сокровищнице предметов и ценных тканей подобие человеческой фигуры, сидящей на куче золота и серебра. Кроме того, я оставил в центре помещения заранее припасенный подарочек – мой фирменный знак в виде хвоста с бантиком, который я оставлял на месте всех своих проделок (у меня язык не поворачивается назвать это преступлением).

Вы спросите, зачем я оставляю свой знак, ведь это позволит идентифицировать меня? Это одна из моих прихотей. Да, это довольно легкомысленно, но мне нравится слава. Люблю слышать, как везде обсуждают очередную хитроумную и дерзкую проделку неуловимого Рейнира Хвоста.

Да, я такой!

Итак, я собрал украденные драгоценности и так же бесшумно покинул дом Хомалона. Чистая работа.

Но как же мой портрет оказался на стенах домов и почему меня все же чуть не поймали? Что ж, иногда даже безупречный план дает трещину. На другой день после ограбления Хомалона я решил продать несколько камешков и пару-тройку безделушек. И по чистому совпадению в лавку менялы нагрянула городская стража, получившая нагоняй от городского головы, который, в свою очередь, получил нагоняй от Хомалона, впавшего в неудержимую ярость от дерзости моего поступка. Стража, зная описание украденных предметов, заинтересовалась камешками. Я, конечно, тут же слинял из лавчонки, но меняла от страха рассказал все, что знал обо мне. Дальше, как я понимаю, было дело техники. Репрессивная машина государства раскрутила свои маховики: допросы, подкуп, угрозы – и вот уже известно мое имя и составлен словесный портрет, на основе которого намалеваны объявления о розыске «опасного преступника». Да какой же я опасный? Я рыжий и пушистый! И Рейнир Хвост никого не убивал. А если и взял чужое, то исключительно из любви к искусству. Разве Хомалон обеднел? Нет, не обеднел, лишившись шести-семи пондусов золота и камней. У него осталось в сотни раз больше. Чего ради эти пондусы золота без дела пылились в сокровищнице этого скряги? Зато в экономику Таиры влилось какое-то количество денег. Лавочники и ремесленники, трактирщики и повара получили прибыли, которые пошли на оплату труда простых работяг. Даже городская стража в очередной раз доказала, что не зря ест свой хлеб. Кругом сплошные плюсы. Рейнир Хвост – патриот и благодетель своего родного города.

Что-то я отвлекся.

Я, конечно, какое-то время корил себя, что поступил опрометчиво, решив сразу сдать камни и безделушки. Нужно было немного обождать, а еще лучше сразу покинуть Таиру. Но безнаказанность пьянит и лишает осторожности. В результате меня загнали в угол, и я чуть не попался.

Но не попался же!

Что ж, впредь буду умнее. «Что не убивает нас – делает нас сильнее», – как сказал какой-то философ. Или не философ. Не помню. Но мысль хорошая.

Размышляя о прошлом и строя планы на будущее, я без приключений пересек город и выехал через западные ворота Таиры. Спустя некоторое время я с наслаждением сорвал с лица успевшие опостылеть усы и выплюнул защечные подушечки. Я был свободен и наслаждался поездкой. Весь мир был у моих ног.

Спустя десять дней я в восьмом часу утра подъехал к Восходным воротам Асагены. Они были гостеприимно распахнуты, стражники стояли со скучающими лицами, а я с толпой других путешественников не был удостоен даже взгляда.

Прекрасно! Чем меньше привлекаешь внимания, тем лучше.

В Асагене я был впервые. Конечно же я многое слышал о нашей столице, но вживую она ни в какое сравнение не шла даже с самыми цветистыми рассказами путешественников. Каменные дома, высоченные ратуши и исполинские резные храмы Восьминачальной церкви. Статуи правителей династии Теридиидов конные и безлошадные. Утопающие в зелени живописные парки. Шумные рынки, по которым можно ходить часами, и где можно купить абсолютно все. Я в восхищении только и успевал закрывать разинутый от удивления рот. Да, наша Таира по сравнению с Асагеной была просто глухой деревней. А какой здесь был простор для мошенника и авантюриста вроде меня! Даже голова шла кругом.

Когда день стал клониться к вечеру, я решил заняться собственным комфортом.

В первую очередь я разыскал конный рынок и, немного поторговавшись для виду, продал свою лошадь. Я рассудил, что животное привлечет ненужное внимание, за ним будет нужно ухаживать, да и опознать человека так будет проще. А облегчать кому-то работу по опознанию меня я не собирался.

Далее нужно было решить вопрос с жильем. Проведя несколько часов в праздном шатавании по городу, я видел десятки разных гостиниц на любой вкус и кошелек, но когда я предпринимал попытки заселиться, меня просто не пускали на порог. Прислуга и держатели гостиниц брезгливо кривили губы, не желая меня даже выслушать. Дело было в том, что моя потрепанная внешность и пыльный дорожный костюм не годились для проживания ни в роскошном, ни даже в заштатном постоялом дворе. И вообще я с неудовольствием отметил, что на фоне большинства асагенцев смотрелся довольно жалко.

Нужно было срочно исправить это непростительное недоразумение. Я направился в ближайшую портновскую мастерскую. Портной, невысокий лысоватый мужчина в годах с мерной лентой на шее, принял меня не слишком любезно, пренебрежительно глядя на покрытую пылью дорожную одежду не первой свежести. Но серебряная монета достоинством в пять раханиев, перекочевавшая из моего кармана в его карман, быстро улучшил настроение.

– Покорнейше прошу прощения за мой непрезентабельный внешний вид, но я прибыл из другого города, а в пути произошла небольшая неприятность, из-за которой я лишился всего своего приличного гардероба.

Далее я вкратце рассказал весьма печальную, а временами и поучительную историю, не содержащую, разумеется, ни слова правды.

– Понимаю-понимаю. – пробормотал портной. – Времена беспокойные. Какой костюм господин... Э-э-э... Господин...

Видимо таким образом портной хотел узнать мое имя.

– Мое имя Рейнеке, – представился я, переделав свое имя на тарусский манер.

– Рад, очень рад! Итак, какие костюмы господин Рейнеке желает изготовить для пополнения своего гардероба? Повседневный? Праздничный? Дорожный? – проговорил портной и застыл в позе ожидания.

– Я, пожалуй, начал бы с повседневного, милейший. И по возможности прямо сейчас.

Я дал ему еще одну монету.

– Прекрасно-прекрасно, – проговорил портной, потирая руки. – Есть ли предпочтения по крою, материалам, цвету, фасону?

– Я уверен, что такой искушенный мастер как вы сможет создать истинный шедевр современной асагенской моды, посему отдаю себя в ваши умелые руки, – льстиво сказал я и кинул ему еще один серебряный.

Портной ловко поймал монету, и она скрылась в его кармане.

– Благодарю, господин Рейнеке. Уверен, что господин Рейнеке останется доволен!

Почему он обращался ко мне в третьем лице, будто говорил про кого-то другого? Видимо так тут было принято.

В течение нескольких часов портной и его подмастерья трудились не покладая рук. В результате их работы на свет появился весьма ладный и удобный костюм темно-кирпичного цвета, включающий в себя брюки, белую сорочку, жилет, длинный сюртук и кепи. Мальчишка по просьбе мастера сбегал в лавку сапожника и принес пару прекрасных сапог, которые оказались мне впору.

Я рассматривал себя в зеркале и удивлялся – с отражения на меня смотрел щегольского вида юноша, не чета тому провинциальному увальню, которого я видел в зеркале пару часов назад. Этот фронт производил впечатление человека, которому можно доверять, настоящий аристократ. Я был приятно поражен. Портной тоже явно был доволен результатами работы.

– Господин Рейнеке – настоящий дворянин. Жених, ну прямо жених, – восхищенно бормотал он, отступая на пару шагов и обходя меня со всех сторон.

– Благодарю вас, мастер... Э-э-э... Мастер... – я применил тот же прием, чтобы узнать его имя.

– Мастер Иллин, – подсказал портной.

– Мастер Иллин – вы просто бог, – произнес я вполне искренне. – Вы король портных!
Он был польщен.

– Если господину Рейнеке понадобится что-то еще, он всегда может рассчитывать на скромную мастерскую Иллина.

Перед уходом я решил узнать у нового знакомого, есть ли в округе гостиница, которую он готов был бы мне порекомендовать. Иллин тут же посоветовал остановиться в «Тарбовой обители», хозяином которой был его хороший знакомый. Портной написал сопроводительное письмо, в котором дал мне исключительно положительную характеристику и попросил оказать мне лучший прием. Я был тронут такой заботой. Мы наговорили друг другу еще кучу комплиментов, я щедро заплатил за костюм и покинул мастерскую.

Глава 4.

«Тарбова обитель» располагалась в паре кварталов от портновской мастерской, рядом с Храмом Тарба-Первенца. Полагаясь на указания мастера Иллина, я умудрился не заблудиться в переплетениях переулков старого города и быстро нашел гостиницу. Это было большое трехэтажное каменное здание с внушительной вывеской, изображавшей пророка Тарба, сидящего на троне и поучающего восьмерых учеников-апостолов, расположившихся вокруг учителя в разных позах. Название гостиницы и религиозная сцена на вывеске не отличалась оригинальностью: в любом городе Анатейского Союза вы могли бы без труда отыскать постоялый двор с таким названием. Причем половина владельцев этих постоялых дворов с пеной у рта доказывала бы вам, что реальная Тарбова обитель находилась именно на том самом месте, где располагается его гостиница.

Я поднялся по каменной лестнице, зашел в холл и приблизился к стойке, за которой стоял приятного вида седой мужчина в безупречно белом переднике поверх синего сюртука. Он был немолод, возрастом примерно ровесник портного Иллина. Поздоровавшись, я попросил позвать хозяина, мастера Рео. Мужчина, впрочем, и оказался тем самым Рео. Он оглядел меня с ног до головы и остался вполне удовлетворен увиденным.

В Асагене внешний вид играл важное значение.

Я представился и подал записку от мастера Иллина, а вместе с ней и серебряную монетку в пять рахниеф. Мастер Рео внимательно изучил записку, спрятал деньги в карман передника и приветливо мне улыбнулся.

– Друг Иллина – мой друг, – произнес он низким тягучим голосом. – Господин Рейнеке, рад буду предложить вам отличный номер.

Рео позвонил в колокольчик, тут же прибежал мальчишка, который, подхватив мою сумку, повел меня по широкой мраморной лестнице на второй этаж, где раскрыв передо мной дверь номера. Я забрал свою сумку и сунул ему в ручонку мелкую монетку. Мальчишка схватил ее, улыбнулся мне щербатым ртом и быстро убежал.

Я зашел в прилично обставленную гостиную. Тут было непривычно уютно. У окна стоял массивный письменный стол, около стола – два кресла. У стены расположился обширный мягкий диван с деревянными подлокотниками. В противоположной стене был дверной проем, который вел в спальню. Всю спальню занимала чудовищных размеров кровать с балдахином. На прикроватном столике стоял кувшин с горячей водой, мыло и белоснежное полотенце. На полу находился эмалированный таз.

Окна обеих комнат выходили на оживленную улицу. Профессиональным взглядом я автоматически оценил пути отхода на случай, если придется бежать, и остался вполне доволен. За окном был широкий парапет, на котором при необходимости можно было спрятаться, если меня станут искать в номере. Над первым этажом был растянута террасная маркиза, закрывающая от солнца и дождя столики гостиничного ресторана, стоящие на улице. Это, с одной стороны, был отличный батут для желающего прыгнуть сверху, а с другой – защита от наблюдателей со стороны улицы.

Просто прекрасно!

Я плюхнулся на диван и задумался над покорением Асагены. Мне здесь нравилось: встреченные люди оказались приветливыми, и все шло замечательно. Денег было достаточно, чтобы безбедно прожить год, но отдыхать желания не было. Напротив, я был переполнен кипучей энергией. И все же пускаться во все тяжкие без предварительной подготовки я не собирался. Нужно было тщательно изучить город, завести новые знакомства, найти конспиративную квартиру и наметить перспективные цели. Я никогда не грабил честных людей наподобие мастера Рео или мастера Иллина.

Следующие несколько дней я исследовал город, увидел не только красоту богатых кварталов, но и неприглядную изнанку бедных районов. Выяснилось, что городская стража Асагены ничуть не умнее нашей таирской. Это радовало. Я знакомился с лавочниками, лакеями, ремесленниками, аптекарями, трактирщиками, проститутками и грязной оборванной детворой. Когда нужно я был щедр на подарки, иногда был груб, иногда добр, молчалив, болтлив, скуп, расточителен. Я старался найти особый подход к каждому новому знакомому, чтобы он увидел во мне те качества, которые были важны именно для него.

Наконец я наметил для себя несколько целей: ювелирная лавка, апартаменты крупного промышленника и особняк театрального мецената.

Переодевшись, приклеив бороду и нанеся грим со множеством устрашающих шрамов, я снял подходящую для моих темных делишек комнату у одного старика, который не поинтересовался ни тем, кто я, ни тем, чем я занимаюсь. Его интересовали только деньги, и получив причитающееся, он более меня не беспокоил. Комната была в цокольном этаже, с отдельным выходом и окошком, которое я приспособил для быстрого отступления. Помещение я переоборудовал под лабораторию и цех по изготовлению всех необходимых в моем ремесле приспособлений и веществ.

Чтобы подготовиться, а заодно и размяться, я нанес несколько ночных визитов в аптеки и различные мастерские, хозяева которых были со мной грубы. Там я прибрал к рукам нужные мне инструменты, материалы и снадобья.

Ну не покупать же мне их!

Я многое знал и умел, но всегда стремился повышать свой уровень. Королевская библиотека прекрасно подходила для этих целей. Я знал, что доступ к знаниям был открыт лишь для богатых и знатных, благо мой новый наряд не вызывал ни у кого сомнений в моем благородном происхождении. И все же перед первым визитом я на всякий случай изготовил поддельную дворянскую грамоту, где указывалось, что господин Реньяр (такой вариант имени показался мне более благородным) принадлежит к древнему роду, ведущему свои корни чуть ли не от самого апостола Эврима. Однако грамота не потребовалась, и я получил беспрепятственный доступ к тысячам томов, содержащим все доступные человечеству знания. И эти знания я, несомненно, я планировал использовать с умом и присущей мне практической жилкой. В библиотеке я нашел много полезных сведений относительно архитектуры Асагены, в том числе описание нужных мне построек и даже их чертежи. Я ликовал – Асагена оказалась настолько приветливой, что предложила мне все нужное для моего ремесла.

В течение двух осьмиц я рано утром покидал гостиницу в своем обычном наряде и без грима, шел в библиотеку, затем в подворотне переодевался и наносил грим, а потом в новом облике отправлялся в свою комнату-мастерскую в другом конце города. Все дни напролет я работал не покладая рук, мастера и изобретая. Вечером я проделывал обратное – снимал грим, переодевался в свой повседневный щегольский костюм и отправлялся в «Тарбову обитель», не забывая по пути посещать увеселительные заведения. Я возвращался в гостиницу к ночи, а наутро все повторялось вновь.

У мастера Иллина я заказал еще несколько костюмов, благодаря чему мой гардероб пополнился одеждой на все случаи жизни.

Глава 5.

С ювелирной лавкой все прошло настолько гладко и просто, что стало даже слегка не по себе. Я пробрался туда ночью. Зная, что хозяин живет один на втором этаже здания, прямо над своим магазином, я для начала забрался по заранее спрятанной мною неподалеку лестнице к окну его спальни, которое выходило во двор, бесшумно вскрыл окно и закинул внутрь от души сонного порошка. Дальше было совсем просто: я залез внутрь, спустился на первый этаж и, не привлекая ничьего внимания, забрал часть драгоценностей. Все забирать я не собирался, поскольку не желал старику разорения, хотя по рассказам моих соглядатаев-мальчишек он был той еще сволочью.

Я спрятал взятое в ювелирной лавке под полом в моей комнате. Эти драгоценности мне пока не были нужны – это была просто разминка перед настоящими делами.

Следующей моей целью был выбран дом мецената. Звали его Орамии. До того, как стать театральным меценатом, этот человек занимался поставками оружия. Я искренне не понимаю, как могли быть связаны столь разные сферы деятельности, но факт оставался фактом. Особняк Орамии представлял собой неприступную крепость.

Неприступную для других. Но не для старинны Рейнира и его изворотливого ума!

Пробраться обычным для таких ситуаций способом в жилище мецената было нереально: дом был обнесен высоченной каменной стеной, внутрь вели только одни ворота. Ворота и территория круглосуточно охранялась двумя десятками вооруженных до зубов амбалов. Для охраны на территории внутри ограды даже была построена отдельная казарма. Внутри особняка на каждом этаже также было по пять-шесть человек охраны. Отдельный интерес представляло собой хранилище сокровищ Орамии, по слухам, напичканное ловушками и охранными устройствами. Ни сонным порошком, ни оружием пробиться к сокровищнице не представлялось возможным. У меня прямо руки чесались исследовать все это великолепие.

Я уже говорил, что изучил особенности архитектуры исследуемых объектов во время своих визитов в библиотеку. Поэтому я знал, что под особняком Орамии проходит городская канализация. Все верно, нужно же куда-то девать отходы жизнедеятельности такой оравы хозяев, слуг и охранников. Я решил посмотреть, можно ли проникнуть в особняк этим, не самым приятным путем.

Рано утром я покинул гостиницу, взяв с собой заранее подготовленную непромокаемую спецодежду ассенизатора, маску, очки и сапоги до колен. Подойдя как можно ближе к особняку, я нашел канализационный люк, переоделся и только начал открывать врата вонючего подземного царства, как увидел направляющуюся ко мне стражу. Их было двое: один невероятно толстый – мундир еле застегивался на пуговицы, отчего стражник был похож на палку вареной колбасы. Второй же был маленький и щуплый. Мундир висел на нем как взрослая одежда на малыше. Они поигрывали дубинками, хмурили брови и всем видом сообщали мне, что шутки с ними плохи.

– Эй! – крикнул мне толстяк, которого я в уме уже прозвал Колбасой, – Ты куда это собрался?

– Как куда? – ответил я как можно более раздраженным голосом. – Вниз конечно!

Стражи замаялись. Я с трепещущим сердцем, но серьезным видом продолжил открывать люк.

– Парень, а зачем тебе вниз-то? – спросил Мелкий (так я про себя называл второго стражника).

– Ну кому-то надо это делать! – прорычал я. – А начнете смеяться, я буду жаловаться в профсоюз! Вас мигом уволят. Были уже одни такие...

Стражники были сбиты с толку, что мне и требовалось.

– Так ты это, золотарь что ли? – виноватым голосом уточнил Колбаса.

Я воздел руки в притворном возмущении и придал голосу максимум драматизма:

– Ну вот опять! Насмешки. Да вы хоть понимаете, что только благодаря таким как я, вы не плаваете в собственном... Э-э-э... В собственных экскрементах! Что только благодаря нашему Коричневому братству – термин я придумал на ходу – вы дышите этим свежайшим воздухом, гадите не в ямку под кустом. Мы ведем эту цивилизацию к светлому будущему и процветанию!

Я разошелся, а стражники стояли, разинув рты. Пора было избавляться от них.

– А вы смеетесь над бедными тружениками невидимого фронта. Вы обязаны назвать мне ваши имена, звания и имя начальника участка. Я подам жалобу!

Стражи уже десять раз пожалели, что подошли ко мне. Колбаса вытирал пот с розовой лысины. Малыш воровато озираться. Наконец они, не сговариваясь, развернулись и дали деру. Когда они скрылись за поворотом, я с облегчением выдохнул и дрожащими руками отодвинул наконец канализационный люк.

Я спустился вниз; сапоги, хлюпая, погрузились в зловонную жижу. К счастью, на лице моем была маска, фильтрующая большую часть канализационных миазмов. Я зажег фонарь, достал из кармана карту, которую заблаговременно в библиотеке срисовал с плана городской канализации, сопоставив планы ее с картой города. Теперь я точно знал, как добраться по вонючему лабиринту к тому или иному зданию. По большому счету я мог дойти досюда и от гостиницы, однако путь оказался бы слишком долгим. А вот от моей съемной комнаты добраться досюда я бы не смог – беднякам такая роскошь, как подземная канализация не полагалась. В бедных районах все отходы сливались в обычные канавы.

Итак, я сверился с картой и отправился к особняку Орамии. Мой план состоял в том, чтобы незаметно пробраться в здание через канализацию. Какое же меня ждало разочарование, когда я еле добрал по мерзкой жиже до нужной мне точки на карте. Трубы, ведущие из помещения, были очень узкими, и мне ни за что было в них не протиснуться. Стены, отделяющие канализацию от подвала, были каменными. Чтобы прорубить вход в здание, мне потребовалось бы очень много времени, да и шум бы тут же заметили. Я стоял по колено в дерьме, и на душе тоже было дерьмово. Внезапно по одной из труб меня буквально окатило чем-то, что я даже не хочу обсуждать. Я разозлился.

Ну уж нет! Теперь я точно доведу дело до конца!

И тут в моей голове промелькнула удачная мысль. Я ухватился за нее и вскоре разработал идеальный план.

Да! Это море испражнений мне еще послужит.

Я поспешил выбраться на свежий воздух, сменил наряд, выкинул грязную одежду и поспешил в общественную баню, чтобы как следует отмыться от пропитавшей меня насквозь вони и как следует обдумать детали нового плана.

Горячая вода и душистое лавандовое мыло подействовали на меня благотворно. Выходя из бани, я уже точно представлял, что буду делать, и приступил к первой фазе операции.

В гостинице я потребовал принести в номер чернила, перо и бумагу. Написав длинное витиеватое письмо, я позвал Конька – мальчишку из прислуги – и за монетку попросил отнести это письмо по указанному адресу. Конек оправдывал свое имя. Громко топая, паренек умчался выполнять поручение.

Прошло несколько часов, и запыхавшийся Конек прискакал с ответным письмом. Я сломал сургучную печать, развернул письмо, быстро пробежал глазами и удовлетворенно хмыкнул. Все шло хорошо. Теперь нужно было поработать над внешним видом.

Для начала я нанес визит мастеру Иллину. Он встретил меня как старого знакомого и без лишних вопросов взялся за изготовление нового костюма. В то время, пока портные кроили и строчили, я направился в парикмахерскую. Мне нужна была самая модная прическа. Спустя какое-то время я вышел на улицу с новой стрижкой и в легком смущении – на голове у

меня красовалось нечто, с чем в Блошином углу удалось пройти невредимым не более десятка шагов. Мои рыжие непослушные кудри были пострижены, укрощены и собраны в небывалого вида локоны: местами стоящие дыбом, местами зализанные. Лицо напудрено, над верхней губой красовалась мушка. Манерный визажист уверял, что моя прическа – последний писк моды.

Возможно, это был ее предсмертный писк.

– Искусство требует жертв, дорогой Рейнир, – уверенно сказал я себе.

Как ни странно, на улице на это произведение парикмахерского искусства особо не обращали внимания. Скажу больше – в центре города я поймал на себе пару восхищенных взглядов от расфуфыренных девиц и от одного такого же франта.

– Искусство требует жертв, дорогой Рейнир, – повторил я уже не столь уверенно.

В мастерской Иллина меня обрядили в только что сшитый костюм. Я посмотрел в зеркало, и меня аж передернуло. По сравнению со мной павлин показался бы скучным воробьем: длинный узкий сюртук из голубого атласа с золотым шитьем и яркими тканевыми вставками облегал фигуру, отчего я казался тоньше обычного; короткие неимоверно узкие штаны чуть ниже колен того же голубого цвета. Длинные белые чулки. Для костюма мне подобрали узкие туфли-лодочки на высокой платформе.

– Искусство требует жертв, дорогой Рейнир... – сварливо пробубнил я.

Идти по улице в таком наряде я позволить себе не мог, поэтому попросил вызвать крытый экипаж. Садясь в карету, я подумал, что теперь-то наконец понимаю, почему богатые люди перемещаются не пешком. Видимо они просто стесняются своего эксцентричного внешнего вида.

Спустя какое-то время экипаж затормозил около особняка Орамии, кучер соскочил с козел и услужливо открыл передо мной дверь кареты. Я прошествовал к воротам с высоко поднятой головой и столь прямой спиной, что по ней можно было чертить как по линейке. Привратник хмуро поглядел на меня, но изучив письмо, которое я прихватил с собой, быстро пропустил. Его коллега проводил меня до входа и пробормотал что-то охраннику, дежурившему около входной двери. Тот тщательно обыскал меня, но ничего не обнаружил. Еще бы, для этого визита мне не требовались мои приспособления. Ну разве что короткий стилет в подошве одного ботинка и отмычка – в другом. Двери распахнулись, и меня встретил лакей в таком нелепом кружевном наряде, что мой костюм показался мне верхом консерватизма.

Пока мы шли широкими коридорами и лестницами, я считал шаги и внимательно осматривался, стараясь запомнить все детали. Вокруг все было, что называется «дорого-богато». Удивительно, что выражение это означает безвкусно обставленное помещение, ведь по идее дорогие предметы часто сами по себе бывают весьма красивы. В коридорах поместья Орамии на стенах пестрели картины в золоченых рамах, в нишах стояли огромные вазы, статуи обнаженных женщин и мужчин, с потолков свисали блистающие хрустальные люстры. И кругом колонны, колонны, колонны... И охрана, охрана, охрана... Все охранники были как на подбор – высокие, мускулистые, но выглядели несколько непривычно – с голым торсом, вместо брюк что-то вроде юбок, а на ногах сандалии с тесемками, завязанными на голени. Я негромко хмыкнул и повел бровью. У хозяина дома были экзотичные предпочтения.

Наконец мы вошли в просторный кабинет, где на кушетке перед громадным камином размером с мой номер на постоялом дворе возлежал человек в белой хламиде. Рядом с ним располагалась еще одна кушетка и низенький столик, на котором стояли вазы с фруктами, графин с вином и два кубка. Человек повернул голову в нашу сторону, поманил меня пальцем и знаком предложил устраиваться на второй кушетке. Я повиновался.

После того, как я улегся, мне удалось рассмотреть Орамию, ведь это был именно он. Настолько несуразного человека мне видеть еще не доводилось. Он был высок и могуч, с мускулистыми ручищами и ножищами, под хламидой виднелась широкая выбритая и умощенная

маслами грудь. У Орамии было квадратное лицо с солдатскими складками, мощные скулы, маленькие пороссячи глазки, выдающиеся надбровные дуги, которые можно было использовать в качестве полок для книг. Лицо выбрито до синевы. Если бы он был в генеральском мундире, то диссонанса не возникало бы. Однако квадратную голову венчали неожиданно светлые локоны с вплетенными в них цветами нежных розовых и голубых оттенков. Толстые короткие пальцы его были усеяны тонкими золотыми кольцами. Руки с короткими черными волосками наманикюрены, а некрасивые круглые ногти покрыты розовым лаком. На шее висело с несколько цепочек разной длины с разнообразными подвесками.

Я завороченно смотрел на это чудо, а чудо смотрело на меня сквозь полуприкрытые веки с длинными (накладными?) ресницами. Наконец Орамия шевельнулся и протянул мне кубок:

– На, выпей, расслабься, – сказал он удивительно неподходящим ему высоким мелодичным голосом.

– Спасибо, – откашлявшись, хрипло отозвался я, взял кубок и почтительно отпил пару глотков. Вино было изумительным. Такого я еще не пробовал. О чем я немедленно сообщил меценату. Он в ответ одарил меня мимолетной безразличной улыбкой, облокотился на локоть и томно спросил:

– Итак, Тулий, – (это имя я выбрал в качестве псевдонима), – в своем письме ты попросил аудиенции и сообщил, что представляешь делегацию театралов Таиры. Это правда? В Таире есть театр?

– В первую очередь, любезный господин Орамия, я хотел бы поблагодарить вас...

– Потом отблагодаришь... – перебил он меня, взял из блюда виноградину и жеманно положил мне ее в рот.

Я не ожидал такого поворота, но взял себя в руки.

– Да, господин Орамия, – проговорил я сладким голосом, – в нашей глубоко провинциальной Таире только начинает развиваться театральное искусство. Мы с горсткой единомышленников ставим трагедии бессмертного Дримуса. Ах, какой это восторг играть его «Три брата» или «Дядя в ванне»!

При упоминании Дримуса, столпа современной драмы и комедии, Орамия покровительственно кивнул.

– Это похвально, мальчик мой, похвально, – протянул Орамия. Я подождал, пока он еще что-то скажет, но меценат молчал, глядя на меня своими пороссячими глазками.

– Осмелюсь признаться, что в нашей среде поклонников музыки Аудифии, покровительницы театрального искусства, все наслышаны о вас, господин Орамия, как о лучшем друге театра. Вы наш кумир!

Я говорил и говорил, как можно более возвышенным слогом превознося Орамию как самого известного мецената во всем Анатейском Союзе. Я изошренно врал, придумывал и сочинял. Орамия слушал, и было видно, что похвалы и откровенная лесть ему приятны. Он кивал, скучающее выражение лица сменилось улыбкой.

– Тулий, мальчик мой, – наконец обратился ко мне Орамия, – Я оказываю определенную протекцию юным дарованиям вроде тебя. Я могу вывести тебя в люди, если ты окажешься прилежным учеником.

Орамия выразительно посмотрел на меня и взял за руку. Я оторопел. Ах, ты старый извращенец! Но этим шансом надо было воспользоваться! Я не убрал руку, принужденно улыбался и терпеливо ждал, что будет дальше. Если бы он полез ко мне, то пришлось бы его вырубить, но я надеялся на лучшее. От улыбки стало сводить щеки. На мое счастье, меценат отпустил мою руку и взялся за кубок.

– Завтра здесь будет проходить благотворительный вечер для служителей музыки Аудифии. Прибудет множество меценатов, актеров, драматургов. Приглашаю и тебя. Познакомишься с

лучшими людьми этой страны. Будешь моим... Так скажем, протеже. Посмотрим, что я смогу из тебя... М-м-м... Вылепить.

Вот я тебе сейчас так вылеплю, козлиная театральная.

Тот факт, что меня пригласили на завтрашний раут, можно было назвать невероятной удачей. Приглашено множество людей, и это должно было помочь в реализации второй фазы моего гениального плана. Отлично!

– Да, господин Орамия, я буду счастлив быть вашим...

– Тс-с-с-с, Тулли, – прервал меня Орамия.

Я не ослышался? Он назвал меня Тулли?

Меценат покровительственно улыбнулся, голос перешел в шепот:

– Многие были бы счастливы быть моими, но не всем это удастся. На сегодня прием окончен. Приходи завтра.

Меценат махнул рукой, я с облегчением выскочил из его покоев и в сопровождении лакея чуть не бегом направился к выходу. По пути я попросился зайти в уборную. Это требовалось для уточнения деталей второй фазы моего плана.

Глава 6.

Утром я в первую очередь отправился в свою мастерскую, где провел часть дня, собирая нужные приспособления и смешивая порошки.

Спустившись в подземные туннели канализации и добравшись по вонючей жиже до особняка мецената, я установил и закрепил все изготовленные утром устройства, а затем поспешно покинул обитель миазмов. После этого мне вновь пришлось посетить бани, чтобы отмыться от смрада. На званом вечере я должен был благоухать.

Следующим пунктом моего маршрута стал давешний салон, где мои волосы вновь подверглись немислимой укладке, лицо напудрили, руки намазали какими-то сильно пахнущими кремами. Источая аромат духов, я был готов покорять театралов.

В назначенное время я прибыл в экипаже к особняку Орамии и стал с интересом наблюдать за гостями, подъезжающими в расписных каретах и открытых экипажах. Все они были облачены в наряды, автором которых был скорее всего сумасшедший. Какие-то перья, лоскуты, воланы, складки, буйство красок и деталей. Я покачал головой и неспешно отправился ко входу, стараясь шагать от бедра.

Гостей встречал сам меценат. Хламиду сменило нечто, не поддающееся описанию, из блестящего розового шелка с золотым шитьем. Он благосклонно трижды чмокнул воздух рядом с моей головой и пропустил внутрь. Я как можно застенчивее поклонился и юркнул внутрь. Вторая фаза началась.

Воспользовавшись большим количеством гостей, я растворился в толпе и принялся исследовать особняк. Охраны было все так же много, но сейчас она выполняла скорее декоративные функции: полуголые атлеты стояли в театральных масках и напоминали статуи. Гости чувствовали себя вполне расслабленно и свободно перемещались внутри здания. Я тоже не стеснялся и исследовал каждый уголок. Вход в сокровищницу оказался в хозяйской спальне. Он охранялся двумя здоровенными полуголыми амбалами.

Выходя из спальни, я столкнулся нос к носу с Орамией. Он шутливо погрозил мне пальцем:

– Еще не время, Тулли, еще не время.

Меценат потрепал меня по голове. Я скрипнул зубами, но быстро справился с собой и изобразил невинную улыбку.

Ну я еще с тобой поквитаясь.

– Да, кстати, – проговорил Орамия, – сегодня на моем приеме присутствует господин Агдис. Он руководит крупнейшим театром Союза, как ты наверняка знаешь. Я его предупредил, что сегодня к нему по моей протекции подойдет прелестный юноша.

– Юноша?

– Это я про тебя, глупыш.

Прелестный юноша? Глупыш?

– Так вот, он как раз рядом. Можешь пока подойти и познакомиться с ним. Вон он там.

Орамия указал на непомерно толстого и лысого человека в хламиде, беседующего неподалеку.

В этот миг Орамию подхватила под руку какая-то расфуфыренная старуха в блестящих побрякушках и увела.

Делать было нечего, я поплелся знакомиться с Агдисом.

Увидев меня, толстяк сначала прищурился, а затем почему-то его глаза расширились.

– Господин Агдис, – начал я, – добрый день. Меня зовут...

– Не здесь, – тихо проговорил Агдис высоким голосом кастрата.

Он схватил меня за рукав и потащил в укромный уголок.

– Итак, ты здесь, – сказал Агдис, глядя мне в глаза.

– Да, – ответил я ошарашенный поведением театрала.

– Ты же знаешь, что он охотится за тобой! Зачем так откровенно было приходить сюда?

Ты один или твой друг с тобой?

– Я... Один...

Я ничего не мог понять. О чем толкует толстяк? Какой такой друг?

– Он в ярости! – продолжал Агдис, оглядываясь. – Ты исчез ровно тогда, когда все было почти кончено.

Что происходит? О чем речь? О Хомалоне? О том, что меня ищут в Таире? Но как он мог об этом знать? Или мог?

– А что же мне оставалось? Не оставаться же там?

– Я понимаю. У тебя не было выхода. Но он приказал всем искать тебя. И вот ты уже сам приходишь. Это огромный риск. Ты же понимаешь, что я буду вынужден доложить ему. Я тебе не враг, ты знаешь это. Но я ничем не могу тебе помочь.

– Ну может мы как-то договоримся? – спросил я.

– Поверь, Ён, я не могу. Я полностью в его власти. Но ты можешь попробовать договориться с другими.

Как он меня назвал? Может с кем-то спутал?

Я ровным счетом ничего не понимал. Ну, предположим, Хомалон каким-то образом получил власть над театралом в Асагене. Дичь какая-то, но предположим. Почему меня ищут через театралов? Непонятно. Я никогда не отличался любовью к театральным подмошкам. Ладно. Предположим, что Хомалон подкупил людей из разных сфер, сильно разозлившись на меня. Мне предлагают договориться с ними?

– С другими? – я постарался спрашивать как можно более небрежным тоном, хотя сердце стучало часто-часто.

– Да, Триединая хитра. Он не имеет над ней такой же власти. Скорее наоборот.

Кто такая Триединая? Может этот человек просто сумасшедший?

– Тогда, пожалуй, я переговорю с ней. – проговорил я с достоинством. – Спасибо.

Толстяк нервно усмехнулся, потом воровски оглянулся по сторонам и быстро затерялся среди гостей.

Что это было?

Я постоял некоторое время, пытаясь понять, что за бред нес Агдис. Может это была какая-то шутка? Или проверка.

Так или иначе, рассуждать об этом было сейчас некогда. Пора было приступать к активным действиям. Я удалился в уборную, где бросил в отверстие заранее припасенный реагент. Спустя недолгое время из уборных особняка во все комнаты стала проникать жуткая удушливая вонь, а потом из отхожих мест, как я точно знал, ударили коричневые фонтаны. Все находящиеся в здании люди первое время удивленно оглядывались и нервно нюхали воздух. Когда вонь стала нестерпимой, а по коридорам потекли коричневые реки, гости не выдержали – началась паника, люди бежали в сторону выхода, поскользываясь и падая, пачкаясь испражнениями, извергая фонтаны рвоты, громко крича и на чем свет стоит ругая владельца дома. Наконец из особняка побежала даже охрана, ведь от вони уже резало глаза, и даже самых стойких выворачивало наизнанку. Все шло по плану. Мне этот чудесный аромат был нипочем, ведь мои нос и глаза были закрыты защитной маской и очками. Я пробрался в спальню мецената, кинул пару склянок с усыпляющим порошком в сторону кашляющих, но не бросивших свой пост, охранников. Эти были не голыми, на них были доспехи.

На первый взгляд в спальне не было дверей, которые могли бы вести в сокровищницу, однако меня было так просто не провести. Во-первых, я осматривал здание снаружи, а затем внутри. И даже невооруженным глазом было видно, что расстояние между соседними помеще-

ниями слишком велико. Во-вторых, ну кто вешает на стену спальни свой собственный портрет высотой во всю стену, а по бокам от нее ставит двух здоровенных вооруженных амбалов. И коню понятно, что картина скрывает за собой дверь в сокровищницу.

Переступив через тела, я сдвинул картину стал неторопливо вскрывать сейф отмычкой, спрятанной в подошве моих ботинок на платформе. Открывшееся передо мной через несколько мгновений помещение вдоль и поперек пересекали тонкие нити, на которых висели бесполезные в нынешних условиях колокольчики. И это их хваленые ловушки? Я захохотал. Но вовремя остановился и пригляделся внимательно. Плиты на полу выглядели подозрительно. Я подобрал один из стоящих неподалеку золотых кубков и катнул его по полу. Тут же, щелкая, в пол ударилось несколько стрел.

Ну хоть так, а то я окончательно разочаровался бы в человечестве. Хотя куда уж дальше-то?

Я бросил еще несколько предметов потяжелее, но больше ничего не произошло. Тогда я двинулся дальше. Раздался свист, и руку чуть выше локтя мне оцарапал арбалетный болт. Я завыл от боли. Ощупав руку, я убедился, что кость не повреждена.

Нужно быть осторожнее, болван самонадеянный!

Я вернулся в спальню, снял с храпящего охранника доспехи и кое-как нацепил на себя. Это помогло. Еще несколько дротиков со звоном ударились о кирасу, прежде чем я дошел до сундуков с монетами и камнями. Я выбрал все самое ценное, но небольших размеров, упаковал в мешочки с поплавками, унес в уборную и скинул в канализационное отверстие.

Теперь нужно было избавиться от доспеха, скрыть рану на руке и незаметно улизнуть. Я посмотрел в окна, часть гостей шумно блевала во дворе, охрана бестолково суетилась, но в дом заходить не решалась. Спустившись на первый этаж и выждав подходящего момента, я вылез в окно, предварительно сняв маску и очки.

Фу, ну и вонь!

Оставалось незаметно прокрасться и слиться с теми, кто еще не сбежал. Я потерял глаза, чтобы они стали красными, вдохнул воздуха из окна, меня тут же затошнило. В нужный момент я присоединился к остаткам гостей, и меня вырвало под ноги одному из бегающих по двору охранников. Он брезгливо отскочил, но ничего не сказал. Краем глаза я заметил Орамию. От утонченного театрала не осталось ни следа. Он потрясал кулаками перед кучкой виновато потупившихся слуг и охранников. Таких солдафонских слов и выражений от мецената я совсем не ожидал, часть из них для меня были в новинку. Я потихонечку стал перемещаться в сторону ворот. Никто не обращал на меня внимания. Только у самого выхода меня грубо обыскали двое привратников, но ничего не найдя, отпустили.

Я пулей выскочил с территории особняка и бросился к тайнику, где меня ожидала сменная одежда. Надев ее, я быстро нашел нужный канализационный люк, спустился вниз и пошлепал в сторону особняка. Оставался последний штрих – забрать с таким трудом добытые драгоценности и уничтожить улики. Золото и камни были именно там, где и планировалось – во влагонепроницаемых кожаных мешочках, которые плавали в зловонной жижи благодаря прикрепленным поплавкам. Я откупорил припасенную бутылку с водой, промыл мешочки и упрятал в сумку. Избавиться от улик было несложно: нужно было разбить и сломать мои приспособления, а затем отнести подальше и утопить. Вряд ли кто-то будет обыскивать зловонные туннели городской канализации.

Я очень правильно сделал, что поторопился. На обратном пути я заметил огни ламп и услышал голоса. В мою сторону кто-то быстро шел. Я свернул в боковой туннель и спрятался.

– Что там произошло? – спросил один голос.

– Да тьма его знает! Говорят, особняк Орамии дерьмом затопило.

– Что, правда? Ха-ха-ха-ха! – первый человек так заливисто и заразительно захохотал, что я еле сдержал смех.

– Тебе смешно! А у нас проблемы будут. – злым голосом отвечал второй.

Первый пытался перестать смеяться, он фыркал, издавал утробные звуки, но время от времени останавливался и снова сгибался пополам от хохота.

– А я говорил... Ха-ха-ха-ха! Что этот Орамия... Гы-гы-гы... Говно, а не человек... Ой, не могу! Ха-ха-ха-ха!

– Прекращай, – огрызнулся второй.

– И говорят, там куча всяких богатеньких трутней было?

– Да человек семьдесят гостей.

Первый золотарь чуть не повалился в жижу от хохота.

Наконец они скрылись, и я помчался к люку. Крышка была открыта, а снаружи я услышал еще чьи-то голоса. Судя по бряцанию оружия, это были стражники. Я отпрянул назад, но по всей видимости снаружи слышали мои шаги.

– Ну что, посмотрели, что там? – я узнал голос Колбасы, стражника, который уже видел меня около этого люка. Попадаться ему на глаза сейчас было бы слишком подозрительно. Что же мне делать?

– Нет, господин стражник, я просто обронил инструмент, пришлось возвращаться, – я постарался изобразить голос одного из золотарей.

– Давай побыстрее, остолоп! Нас начальство ждет с докладом! Да и воняет здесь, сил нет.

Я кинулся назад, извлек карту канализации и как можно тише пошел к другому люку. Слава Всеотцу, он был закрыт! Открывая люк, я молился, чтобы снаружи никого не было. Мне повезло: кроме пары мальчишек, удивленно глядящих на меня, улица была пуста.

Глава 7.

Как известно, нет ничего столь бодрящего, радостного, поднимающего настроение и улучшающего цвет лица, как чужое несчастье. Втройне приятно, если нечто плохое произошло у богатого и успешного человека. А уж если этот человек был к тому же унижен, раздавлен и опозорен, то мы испытываем восторг, плавно переходящий в экстаз. И тот, кто говорит, что не радуется чужим неудачам, просто врет. Или вам, или себе. Я вот, к примеру, не считаю такое отношение к чужому горю чем-то плохим. Почему? Ну это же очевидно. Любой успех твоего соседа – это твой неуспех, ведь мы так или иначе постоянно сравниваем себя с другими людьми, прикидываем свое место в социальном рейтинге. Никто не хочет быть хуже других. Я сейчас не говорю об исключениях, поскольку они только подчеркивают общее правило социума. И мы прикладываем усилия, чтобы не быть хуже, беднее, глупее, уродливее и так далее. Мы постоянно работаем или обираем других, чтобы иметь больше богатств; строим дом больше, чем нам нужно, следим за модой, покупаем украшения и побрякушки, подчеркивающие статус успешного человека; мы сохраним конюшни на сотни голов, чтобы иметь возможность похвастаться перед другими. Примеры можно перечислять сколь угодно долго. Так при чем же здесь чужое горе? Все просто – мы автоматически становимся лучше человека, с которым случилась беда, не прикладывая никаких усилий. И это чертовски приятно. Будто находишь кошелек, туго набитый золотыми монетами.

Именно поэтому на следующий день весь город гудел как растревоженный улей. Все обсуждали происшествие в доме мецената Орамии.

В бедных районах города историю ограбления и затопления особняка фекалиями всячески смаковали, приукрашивали абсолютно фантастическими подробностями, а всякое упоминание этого случая сопровождалось громоподобными взрывами хохота.

Да и фешенебельных районах мою проделку тоже обсуждали, хоть и более сдержанно. Как ни странно, представители высшего общества не высказывали сочувствия в отношении собратьев по классу. Они не делились подробностями самого происшествия, но злорадно посмеивались. Из разговоров в одном ресторане я узнал, что на репутацию Орамии легло такое, с позволения сказать, пятно, что он спешно выехал из столицы, сказавшись больным.

Из всего этого я сделал вывод, что поступил правильно.

– С чем я тебя, дружище Рейнир, и поздравляю! – сказал я себе и мысленно похлопал себя по плечу. – Ты делаешь важное дело, теперь отдохнем пару дней и возьмемся за промышленника.

Несколько дней я предавался праздности, но вскоре это наскучило. Пора было готовиться к следующему делу.

Мне удалось выяснить, что Брен (так звали промышленника) вместе с семьей занимал апартаменты в большом доме на одной из центральных улиц. О том, где он хранил свое добро, информации у меня не было. По моим наблюдениям охраны в его доме не было, что облегчало задачу, однако Брен был человек скрытный и подозрительный. Прислуга состояла в основном из хмурых необщительных мужчин старой закалки. Я попытался проникнуть в дом под видом проверки отхожих мест, объясняя это тем, что после происшествия в особняке Орамии городские власти проводят такие проверки повсеместно, но мне грубо отказали и выставили вон.

П-ф-ф-ф, подумаешь! Великий Рейнир Хвост и не подумает расстраиваться из-за каких-то грубиянов.

Несмотря на все мои бравады становилось понятно, что ситуация складывалась не самая простая. В доме всегда кто-то был, забраться туда ночью тоже было нереально – все окна закрылись на ставни с замками на внутренней стороне; двери также запирались изнутри на засовы.

Что ж, если гора не идет к Кашфи, то Кашфи идет к горе, как говорят в Палпиме.

Если нет возможности пробраться через дверь и окна, то подойдет и крыша. Но чтобы попасть туда, нужно было использовать соседние апартаменты.

После длительного изучения соседей оказалось, что апартаменты справа от дома Брена занимал заводчик бойцовых собак, что делало это помещение непригодным для моих целей. Апартаменты слева показались мне сначала пустующими, но затем обнаружилось, что их занимала некая женщина с дочерью и старой служанкой. Выяснить информацию о ней мне не удалось, и я решил действовать. Как следует приодевшись, я «случайно» столкнулся с ней в цветочной лавке неподалеку от ее дома. Я рассыпался в извинениях и комплиментах, подарил ей шикарный букет и пригласил выпить со мной чашечку бодряники, после чего мы познакомились.

Тафиасса – так звали женщину – оказалась весьма приятной особой. Она многое повидала в жизни и не только не питала иллюзий относительно других людей и общества в целом, но и была здоровым мизантропом. Собственно говоря, это нас и сблизило. Мы мило поболтали и расстались с условием встретиться еще.

С этого дня я проводил в обществе вдовы довольно много времени, но все мои попытки оказаться у нее в гостях с целью проникнуть в жилище Брена потерпели полный крах. Мои намеки она игнорировала, а сама не приглашала меня зайти, даже когда я провожал ее до самой двери. Несмотря на это, Тафиасса весьма охотно рассказывала про своего соседа. С ее слов я понял, что промышленник – человек грубый, замкнутый и немногословный. Он мало общался с домочадцами, был крайне неприветлив, и в его доме чаще всего стояла гробовая тишина. Брен жил по строгому графику: уходил по своим делам рано утром, а возвращался лишь вечером, после чего дом погружался в сон.

Эта информация долго не давала мне покоя своей безысходностью, пока вдруг меня не осенило. Точно! План созрел почти моментально.

В тот же день я посетил мастера Иллина и заказал очередной костюм, который был готов в течение нескольких часов. Затем я заехал к парикмахеру и сделал еще один заказ. К вечеру все было готово.

На следующий день я арендовал экипаж и подкатил напрямик к подъезду промышленника. Я, ничуть не прячась, вылез из повозки, отправился к дверям и громко забарабанил по ним увесистой тростью. Дверь распахнулась, дворецкий Брена удивленно воззрился на меня, но тут же отскочил в сторону и поклонился.

Все дело в том, что я был как две капли воды похож на его хозяина. За предыдущий день я пошил точно такой же костюм, изготовил парик, кустистые бакенбарды и нанес грим, благодаря чему стал выглядеть в точности как Брен. По крайней мере, я на это надеялся. Возможно, при хорошем освещении дворецкий и обнаружил бы подделку, но я стоял на улице, а он – в темной прихожей, свет немного слепил его, отчего рассмотреть меня было трудно.

Ворча что-то себе под нос (именно так поступал настоящий Брен), я прошел внутрь. Как только дворецкий закрыл за мной дверь, я задержал дыхание и сунул ему под нос склянку со сногшибательным порошком – дворецкий мгновенно обмяк. Я незамедлительно заткнул склянку с порошком, чтобы не отключиться самому, затем оттащил тело в угол и крепко связал.

Как можно более тихо я начал подниматься по лестнице. Покои промышленника и хранилище всех ценностей по моим расчетам должны были располагаться на втором этаже. Я немного огляделся и распахнул дверь предполагаемых покоев Брена. Там меня поджидал сюрприз.

В глубине комнаты в кресле сидела дородная женщина в чепце и с красным лицом. По всей видимости это была госпожа Брен. Близоруко щурясь, она вышивала на пяльцах. Я спрятался за дверным проемом, достал еще одну склянку, бесшумно откупорил и катнул по полу в сторону супруги Брена. Услышав звук катящегося предмета, она подняла взгляд от вышивки,

но тут же опустила голову на обширную грудь и захрапела. Я надел очки и маску, собираясь зайти.

И тут позади я услышал какой-то шорох. Сердце застучало так сильно, что загрохотало в ушах. Я медленно обернулся и увидел заспанного ребенка неопределенного пола, обнимающего мягкую игрушку – то ли мишку, то ли собачку – и внимательно разглядывающего меня. Я застыл, ожидая, что ребенок начнет кричать или плакать. Причинять вред малышу не входило в мои планы, поэтому я застыл, не зная, что предпринять. Карапуз, вытерев с носа рукавом длиннополой ночной рубашонки зеленую соплю, хитро прищурился и, провозгласив «Дядя-папа! Дядя-папа!», залился бессмысленным смехом. Я медленно стал приближаться, чтобы не напугать детеныша, но он меня совсем не боялся. Напротив, он протянул мне игрушку, сказав: «Ми-мику», – что на детском языке, видимо, означало «возьми мишку». Я подчинился, а чадо снова засмеялось и убежало в неизвестном направлении.

Я шагнул в покои Брена, резким движением прикрыл дверь, запер ее на щеколду, прислонился к стене и шумно выдохнул. Других слуг и жильцов дома слышно не было, поэтому я заставил себя успокоиться и начал поиски места, где Брен хранил свои драгоценности. Спустя некоторое время обнаружилось, что промышленник не обладал значительной фантазией и держал все ценное под кроватью. Там располагался громадных размеров плоский сундук с массивным замком, который я мог бы отпереть даже с закрытыми глазами.

Я оставил в сундуке свой фирменный подарок в форме лисьего хвоста с бантиком и уже грузил добычу в сумку, когда услышал громкий стук в дверь. Сердце снова екнуло и улетело в пятки. Я осторожно выглянул в окно – внизу у подъезда стоял Брен собственной персоной и яростно колотил в дверь тростью.

Ах, как нехорошо!

Но почему он вернулся так рано? Я знал, что Брен живет по строгому расписанию и никогда не возвращается раньше положенного. Рассуждать было некогда, нужно было срочно убираться.

На лестнице послышались шаги. Кто-то из слуг бежал открывать дверь хозяину. Как только они окажутся внизу, обнаружится, что дворецкий связан и лежит в углу. Меня охватила паника. Выпрыгнуть в окно без риска поломать ноги и руки вряд ли получится. К тому же меня заметят. Что делать? Я приоткрыл дверь на лестницу, чтобы подняться вверх и уйти крышами, как планировал сделать в непредвиденной ситуации, но там тоже были слышны голоса. Весь дом стоял на ушах. И только госпожа Брен сохраняла спокойствие, посапывая в кресле.

Усыпить всех порошком? Только я собрался закидать дом склянками, как увидел в окно, что слуги Брена выскочили на улицу и громко зовут городскую стражу.

Тьма вас задери! Попался!

Я снова запер дверь в покои Брена изнутри и заметался по комнате. В дверь громко постучали и кто-то снаружи глухим голосом начал звать госпожу Брен. Она зашевелилась, но не проснулась. Я pokrылся испариной. Если она проснется и позовет на помощь, дверь быстро выломают, и мне наступит конец. Я попробовал залезть в дымоход, но труба была слишком узкой.

Пропал! Пропал!

Неожиданно мне показалось, что кто-то зовет меня. Я воззрился на супругу промышленника, но она хранила молчание. Я затравленно озирался по сторонам.

– Кто здесь?

– Господин Рейнир! Это ведь вы? – послышалось со стороны шкафа.

– Да, это я, – ответил я как можно более спокойно и почтительно, но голос предательски дрожал.

Все понятно. Я сошел с ума. Со мной разговаривает шкаф. Но ведь даже сумасшедший должен быть вежливым. И разве шкаф не достоин вежливого обращения?

– Отодвиньте шкаф, господин Рейнир.

Думать было некогда, я подчинился. С трудом, обливаясь потом от страха, напряжения и проклятого грима, я смог сдвинуть с места громадный шкаф. За ним оказалась приоткрытая потайная дверь, за которой, хитро улыбаясь, стояла госпожа Тафиасса.

– Скорее передвиньте шкаф на место! Для этого с моей стороны есть специальная петля на задней стенке. Да заходите же, не стойте столбом!

В этот момент в дверь покоев кто-то начал громко ломиться. Слышался грубый голос Брена, который орал на слуг и требовал, чтобы они побыстрее открыли «эту чертову дверь». Я ухватился за петлю и передвинул шкаф на место. Вдова где-то зафиксировала петлю и плотно прикрыла потайную дверь.

Глава 8.

Я шумно выдохнул. В квартире Тафиассы было тихо. Слышно было лишь, как за стеной кричит Брен.

– Успокойтесь, господин Рейнир. – сказала вдова. – Присядьте, отдышитесь. Здесь вам ничего не грозит. Как придете в себя, можете смыть свой грим и привести себя в порядок.

– Спасибо, – проговорил я, пытаюсь сложить руки во что-то вроде молитвенного жеста.

Тафиасса немного удивленно взглянула на мои руки, и только тогда я осознал, что все так же сжимаю в них плюшевую игрушку, подаренную мне мальшом в доме Брена.

Я несколько смущенно поблагодарил вдову и тут мы услышали, что в ее входную дверь постучали. Тафиасса удивленно приподняла брови и крикнула:

– Диди! Посмотри, кого это там черти принесли!

Послышались шаги на лестнице. Кто спустился вниз. Спустя короткое время этот кто-то поднялся по лестнице и открыл дверь в комнату, где находились мы с вдовой. Я напрягся, но тут же снова расслабился. Внутрь скользнула девушка. Своими рыжими волосами она была похожа на меня, а лицом напоминала саму госпожу Тафиассу в молодости. Девушка была очень стройна, и ее можно было бы даже назвать красавицей, если бы не презрительное выражение лица и капризно выпяченная нижняя губа.

– Диди, кто приходил? – обратилась вдова к девушке.

– Это были городские стражники, матушка, – ответила Диди, – они спросили, не забегал ли к нам кто-нибудь. Я ответила, что, услышав шум у господина Брена, мы заперли все окна и двери. Стражники ушли.

– Хорошо, Диди. Господин Рейнир, – обратилась ко мне Тафиасса, – познакомьтесь. Это моя дочь Дипоэна.

– Мне очень приятно, – вежливо ответил я и поцеловал Дипоэне руку.

– Диди, это господин Рейнир по прозвищу Хвост.

– Я догадалась, матушка, – холодно произнесла Дипоэна, внимательно рассматривая меня.

– Распорядись приготовить для господина Рейнира комнату и сервировать стол дополнительными приборами. Полагаю, господин Рейнир останется у нас на пару дней, пока не уляжется шумиха у соседей.

Тафиасса говорила будничным тоном, будто ей каждый день доводилось прятать у себя воров, обчистивших соседа.

– А вас, господин Рейнир, я жду в гостиной после того, как вы приведете себя в порядок.

Дипоэна безмолвно проводила меня в выделенную мне комнату и удалилась. Вскоре в дверь постучались и в комнату зашла дряхлая старушка, видимо служанка. Она принесла и поставила у кровати кувшин с горячей водой, мыло, таз и полотенце. Я с удовольствием приступил к снятию грима. Вдова и ее дочь возбуждали мое любопытство. Откуда взялась эта таинственная дверь в спальню Брена? Как они догадались, что промышленника грабил именно я, хотя я был в гриме и маске?

– А я сразу догадалась, что вы авантюрист, – сходу, как бы отвечая на мои вопросы, заявила Тафиасса после того, как служанка привела меня обратно в гостиную, и я уселся в кресло. – Крайне любопытно было бы услышать всю историю того, как вы попали в жилище соседа, да еще и в таком маскараде. Когда началась шумиха, я сразу поняла, что это были вы.

– Почему вы так подумали? – спросил я самым невинным тоном, но тут же покраснел под ее ироничным взглядом.

– Ну-у-у... Господин Рейнир, – протянула вдова, – вы же не считаете меня душой? Да, я не молода, но ум еще, к счастью, окончательно не растеряла. Вы настойчиво искали встречи

со мной, пытались попасть ко мне домой. Поначалу, признаюсь, я подумала, что вы хотите ограбить меня, но вы спрашивали про Брена, его поведение, нравы его семьи. И я поняла, что вас интересует содержимое его, так сказать, кошелька. А когда у соседей поднялся шум, то сложить два и два, чтобы понять, что за этим стоите именно вы, было несложно. Уж поверьте.

– Уверю, что у меня не было ни малейшего желания считать вас глупой. По мне так вы умнейшая женщина.

– Не будем тратить время на пустые комплименты. Рассказывайте. Как ваша спасительница я имею право знать все. Вот, выпейте отвара бодряники и говорите.

Я подчинился и начал свой рассказ. Тафиасса и ее дочь с интересом выслушали историю проникновения в дом Брена.

– Весьма изобретательно, – высказалась вдова, когда я закончил свой рассказ.

– Слишком рискованно и безрассудно, – фыркнула Дипозна. – Вы действовали наугад, точно не зная, где расположено хранилище. И самое главное – не был продуман план отхода. А если бы кто-то из слуг заметил связанного дворецкого раньше, чем вы успели набить свою сумку и покинуть здание? Что бы вы сделали?

– Все было предусмотрено, – меня обидели ее критика и пренебрежительный тон.

– Да? Так ответьте же, как поступить в такой ситуации? И почему вас пришлось спасать? По-моему, вы просто дилетант.

– Можно подумать, вы профессионал! – огрызнулся я.

– Стоп-стоп! Дети мои! Хватит! – вдова строго посмотрела на нас и хлопнула ладонью по столу. – Не нужно ругаться. Тем более, мы все заодно, нам сейчас нечего делить.

Я изумленно воззрился на нее. Что она такое говорит? И только тогда до меня стало доходить, что Дипозна обсуждает со мной ограбление не в плане аморальности и неэтичности моего поступка, а с профессиональной точки зрения. А ее мать утверждает, что они со мной заодно! Тьма их побери, что здесь творится? Выходит почтенная вдова и ее дочь – преступницы? Вот это поворот!

Я ошарашенно заморгал, глядя то на Тафиассу, то на Дипозну.

– То есть вы с самого начала понимали, что я готовлюсь залезть в дом Брена? – спросил я. – И не осуждаете мой поступок?

– Да, догадывались, – ответила вдова. – Я об этом уже сказала. И нет, не осуждаем. Кто мы, чтобы осуждать поступки взрослого человека?

Дипозна кивнула, носик ее презрительно сморщился.

– Мы гадали, чем все это закончится. Я была против того, чтобы вас спасти. Но матушка настояла. Не знаю, что уж она в вас нашла.

– Диди, не начинай, – сказала Тафиасса и взяла дочь за руку. – Ты же понимаешь, что за эту услугу господин Рейнир не откажется оказать и нам встречную услугу. В знак, так сказать, благодарности. Не правда ли, господин Рейнир?

Я понял, к чему она клонит. Они спасли меня от стражников. Брен имеет большой политический вес в этом городе, да и во всем Анатейском Союзе. Если бы меня схватили, то условно повесили. Так что теперь я у них на крючке: если попробую соскочить, они расскажут обо мне городской страже и меня возьмут тепленьким, не успею даже до городских ворот добежать.

Дела... Попал как кур в ощи.

Осталось понять, чего же они хотят. Так или иначе, сейчас мне было нужно сохранять спокойствие, выяснить их намерения, а потом уже действовать по обстоятельствам.

– Милые дамы, я хотел бы высказать мою безмерную признательность за оказанную помощь, – начал я, чтобы сказать хоть что-то.

Сидеть и молчать как болван было бы вредно, да и просто невежливо.

– И безусловно рад тому, что вас нисколько не шокирует выбранный мной стиль жизни. И конечно же я буду рад помочь вам, если это только в моих силах.

– Вот видишь, Диди, – довольным голосом произнесла Тафиасса, – господин Рейнир ведет себя как весьма разумный и воспитанный молодой человек. Я думаю, мы поладим.

Дипозна лишь фыркнула в ответ.

Глава 9.

Я провел в доме вдовы два дня, прежде чем стражники и сотрудники отдела расследований в штатском прекратили дежурить возле дома Брена и были вынуждены констатировать, что грабитель, по всей видимости, воспользовался магией и бесследно испарился из закрытых изнутри покоев промышленника. Госпожа Брен не смогла объяснить происходящего. Она утверждала, что заснула за шитьем, вследствие чего никого не видела и ничего не слышала.

А еще по слухам из сундука господина Брена пропало некоторое количество золота и драгоценных камней, а на их месте был найден декоративный лисий хвост с бантиком, подобный тому, который обнаружили в сокровищнице мецената Орамии после печально известных зловонных событий.

Сопоставив факты и наведя кое-какие справки, госпожа Тафиасса пожурела меня за то, что я сразу не рассказал, что в их доме гостит некто по прозвищу Хвост, вор из Таиры, поставивший на уши всю местную стражу и оставляющий в опустошенных сокровищницах знатных горожан узнаваемый сувенир. Деваться было некуда, и мне пришлось сознаться, что я это я. Вдова в подробностях расспрашивала меня обо всех известных ей моих проделках, а мне приходилось отвечать. Из нее вышел бы отличный следователь: все вопросы были по существу, она умело выпрашивала все самые мелкие детали, уклониться от ответа или скрыть что бы то ни было не представлялось возможным. Я игрок, я знаю людей и могу по внешним признакам сказать многое о своем оппоненте, к примеру, врет он или нет. Но Тафиасса превосходила меня в этом искусстве настолько, что я по сравнению с ней казался лопухим простофилей.

Она была спокойна и приветлива, а со стороны могло показаться, что мы просто беседуем. Мне даже удавалось задать кое-какие вопросы ей. Но по факту выходило так, что у меня не получалось выяснить о ней ровным счетом никаких сведений, которые могли бы в дальнейшем помочь выбраться и использовать хоть что-то против нее. Зато она вытрясла из меня все как из дыривой корзины.

Единственное, что я понял, что госпожа Тафиасса возможно была когда-то замужем за высокопоставленным чиновником, у нее были связи в высших кругах Анатеи и, возможно, даже прямой доступ к нынешнему правителю Союза Его Величеству Тимоною Теридииду.

Я с нетерпением ожидал, когда стража прекратит слоняться около входа, наивно полагая, что смогу покинуть дом вдовы, однако Тафиасса тонко намекнула, что мне придется воспользоваться их гостеприимством еще какое-то время.

– Господин Рейнир, я, помнится, сказала вам, что взамен за ваше спасение хотела бы попросить вас об одном одолжении, которое напрямую касается выбранного вами ремесла.

– О, я готов выслушать вашу просьбу, любезная госпожа Тафиасса, и сделать все, что в моих силах, чтобы исполнить ее по мере моих скромных возможностей.

– Давайте обсудим все сегодня за ужином, когда вернется моя Диди. Ведь она тоже примет активное участие в вашем деле.

Вечером, когда вернулась Дипоэна, мы собрались за столом в гостиной, а престарелая служанка накрыла на стол. Я вежливо дождался разговора о предстоящем деле, но Тафиасса и Дипоэна обсуждали какие-то бытовые дела, а я вертелся на стуле, не зная, чего ожидать от коварной вдовы и ее надменной дочери.

Когда служанка подала чашки с бодряникой и блюдечки с десертом, Тафиасса наконец изволила обратиться ко мне.

– Итак, господин Рейнир, ни для кого из нас не секрет, что вы ведете образ жизни, связанный с... Хм... С, так сказать, присвоением чужого имущества.

– Я беру только излишки.

– Не столь важно. Вы человек весьма изобретательный, хотя ваши методы подчас кажутся мне несколько эксцентричными.

– Матушка, – вмешалась Дипозна, – его методы не эксцентричные, а попросту топорные.

– Опять вы меня обвиняете, – возмутился я.

– А почему бы и нет? Один раз вы затопили чужой дом экскрементами, в другой – вломились через окно и усыпили всех каким-то снадобьем. Максимум фантазии вы проявили, пытаясь ограбить Брена, но не предусмотрели путей отхода и чуть было не попались. Из всего этого я могу сделать вывод, что вам просто везло.

– А как бы вы поступили на моем месте? К Брену в дом залезть было невозможно. Там прислуга, жена эта его со своим шитьем, которая не вылезает из дома. Как прикажете поступить?

– Элегантнее.

– Это как?

– В таких делах нужно быть тоньше и изобретательнее, – наставительным тоном произнесла Дипозна, – Брен мог сам вам принести все свои деньги и умолял бы вас их принять.

Я изумленно воззрился на нее.

Что, тьма побери, она имеет в виду?

– Было бы у нас больше времени, я обязательно показала бы вам мастер-класс, господин Рейнир по прозвищу Хвост, но у нас есть другие дела. Если вкратце, я бы обратилась к другому промышленнику. Скажем... Э-э-э... к Калилену, который, как известно, не в ладах с Бреном, и на условиях максимальной секретности предложила бы ему участие в весьма выгодном предприятии. В течение осьмидесяти информация дошла бы до Брена, и вот он уже сам у вас на пороге и требует передать ему права на участия в прибыльном дельце. Я, само-собой, до последнего отказываюсь, но он настаивает и даже сулит взятку. Тогда бы я уже согласилась, оставаясь на позиции дающего, а он с позиции просящего не проявлял бы подозрительности и выложил все до последнего рахния за несуществующие контракты.

Я стоял с отвисшей челюстью. Девчонка за минуту набросала великолепный план грандиозного мошенничества. Да, план требовал доработок и детализации, но он был в сотни раз лучше моего топорного проникновения в дом промышленника.

Я почувствовал себя последним олухом. Все мои прежние кампании показались жалкими, а самооценка рухнула ниже уровня городской канализации.

Видимо вид у меня был настолько удрученный, что Тафиасса встала, подошла ко мне и похлопала по плечу.

– Ну-ну, ничего страшного, – вдова усмехнулась. – Как говорится «то не порок, что хвост короток». Все мы с чего-то начинаем. Не расстраивайтесь. Главное, вы понимаете, что нужно учиться. Так что перейдем непосредственно к делу. Вы знаете, что такой Аэлур?

Я отрицательно покачал головой.

– Аэлур – это владелец Дома Удачи – крупнейшего игорного дома Асагены.

– Да, я заходил туда пару раз, но мне там ловить было нечего. В Доме Удачи – крайне лицемерное название – по одному охраннику на пять игроков.

– Все верно, но нас не интересует ни их нравственность, ни их сокровищница несмотря на то, что она ломится от золота и драгоценных камней. Нам нужно кое-что, что ценится гораздо выше.

– И что же это?

– Информация.

– Какого рода?

– На данный момент это не ваше дело, господин Рейнир.

– Но как я могу выудить сведения, если я не знаю, что это за сведения?

– А вам ничего выуживать и не надо. Вы должны выкрасть для нас документы, имеющие большое значение для безопасности всей Анатеи.

– Вас беспокоит безопасность Союза?

– А вас она не беспокоит?

– Признаться, нисколько. Меня больше волнуют моя собственная безопасность и благополучие.

Тафиасса пожала плечами.

– У нас с вами разные уровни потребностей. Моей безопасности ничто не угрожает, материальное состояние тоже в полном порядке. Но у меня есть некоторые обязательства по обеспечению безопасности нашего государства.

– Хм, то есть вы как-то связаны с Корпусом стражей?

– Нет, что вы, – усмехнулась Тафиасса, – К Корпусу я не имею никакого отношения. Мои интересы и обязательства относятся к несколько другой сфере, но вам об этом знать пока рано.

– И все же. Люди из документов проиграли в карты и задолжали игорному дому?

Тафиасса поморщилась от столь прямого вопроса.

– Я воздержусь от ответа. Скажем так, у Аэлура есть некоторые сведения, которых у него быть не должно. На этом обсуждение содержания бумаг закрыто.

– Как скажете, добрая госпожа. Можно еще один, последний вопрос?

– Хорошо, но последний. И я сама решу, отвечать на него или нет.

– Почему вы решили выбрать меня для этого дела? Ведь ваша дочь весьма невысокого мнения обо мне.

– Скажем так, вы обладаете недюжинным везением. Несмотря на несовершенство ваших планов, вы ни разу не попадались. Уж не знаю, как Диди, но мне это кажется чрезвычайно важным.

Я кивнул, хотя не поверил ни единому ее слову.

– Вот и славно, мастер Хвост, если позволите вас так величать, – проговорила Тафиасса.

– А теперь давайте уже перейдем к плану действий. И здесь я передаю слово своей дочери. Как вы уже успели заметить, ей хорошо дается планирование.

Дипозна серьезно кивнула матери, а на меня взглянула с нескрываемым презрением.

– Что ж, матушка, если вы считаете, что в этом деле непременно должен участвовать господин Рейнир, то так тому и быть. Мой план довольно прост.

Вслед за этим Дипозна общими фразами набросала гениально простой и эффективный план действий. Я с неподдельным восхищением высказал свое одобрение, но вновь натолкнулся на ледяную стену ее враждебности.

И что я такого ей сделал? Возможно, мои планы не столь изящны, зато я еще ни разу не попался в руки законников, как верно подметила Тафиасса. А это о многом говорит.

Мы довольно долго обсуждали детали будущей кампании, выбирали костюмы и стили поведения. В результате уже поздно ночью разошлись по комнатам.

Я потушил свет, но раздеваться и ложиться в кровать не стал. В сознании вертелась мысль, не дававшая покоя.

Я не хочу быть марионеткой в руках вдовы и ее дочери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.